

РЕЦЕНЗИИ

**М.В. ПАНОВ. ТРУДЫ ПО ОБЩЕМУ ЯЗЫКОЗНАНИЮ
И РУССКОМУ ЯЗЫКУ**

М.: ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ.

Т. 1. 2004. 568 с.; Т. 2. 2007. 848 с.

Серия “Классики отечественной филологии” одного из ведущих научных издательств России пополнилась двухтомником избранных работ выдающегося отечественного филолога Михаила Викторовича Панова¹. Издание вводит нас в уникальный мир П а н о в а. Этот мир организуется многогранной личностью М.В. Панова, который был оригинальным лингвистом и специалистом в области лингводидактики, лингвопоэтики и стиховедения, истории отечественного языкознания. Работы М.В., как свидетельствует рецензируемое издание, вполне созвучны идеям современного видения языка: многие результаты научных исследований М.В. используются в рамках когнитивно-дискурсивного подхода к языку. Труды М.В. отличает особый оптимизм, в них зримо торжествует наука о языке как феномене, живущем во времени, пространстве, социуме и сознании конкретного индивида².

Двухтомник впечатляет количеством опубликованных работ (около 110 авторских листов). При этом в издании представлен, конечно, не “весь Панов”. Немного статистики: в конце второго тома читатель найдет общий список трудов М.В., анализ которого показывает, что автором было опубликовано, по самым скромным подсчетам, не менее 350 авторских листов (и это если не учитывать переизданий и попытаться вычестить вклад соавторов совместных публикаций – речь здесь идет только о написанном лично М.В.³).

¹ В тексте рецензии отсылки к томам этого издания даются в круглых скобках: (т. 1); (т. 2), а ссылки на другие источники, использованные автором рецензии, – в квадратных скобках.

² Это важное свойство работ М.В. Панова хорошо ощутимо всеми, но особенно, конечно, его друзьями и учениками. Не случайно сборники, изданные в честь М.В. (один – к 80-летию юбилею ученого [1], второй – как дань его памяти [2]), озаглавлены (за исключением, естественно, подзаголовков) одинаково и с глубоким смыслом: “Жизнь языка”.

³ При этих подсчетах не учитывалось и составление и/или редактирование более чем 20 коллективных изданий – сборников, учебников для средней и высшей школы, коллективных монографий. Это особый, очень энергозатратный труд, тем более что научное редактирование, как писала Е.А. Земская, часто оборачивалось, по деликатности М.В., нигде формально не отмеченным соавторством.

Иными словами, всё, что при жизни М.В. было опубликовано, отражено данным изданием не более чем на одну треть. Но и напечатанного достаточно, чтобы судить, ученый какого мощного дарования ушел от нас в 2001 году.

Каждый из томов рецензируемого издания предваряется вводной статьей. В первом томе о многогранном научном творчестве Панова-лингвиста пишут редакторы и составители двухтомника Е.А. Земская и С.М. Кузьмина, представляющие научную школу М.В. и входившие в его ближайшее окружение. Во втором томе личность М.В. Панова как филолога в истинном, глубоком и широком смысле этого слова, крупного организатора науки, гражданина своей страны и самобытного поэта характеризует литературовед и писатель В.И. Новиков, также хорошо знавший М.В. и много общавшийся с ним.

Публикуемые в двухтомнике работы распределены по восьми тематическим разделам (частям). Три из них составляют содержание первого тома рецензируемого издания: I. Общие вопросы теории; II. Фонетика. Фонология. Социофонетика. Орфоэпия; III. Орфография. Еще пять разделов входят во второй том: IV. Вопросы теории; V. Морфология и словообразование; VI. Преподавание русского языка; VII. Поэтика; VIII. История отечественного языкознания.

Нетрудно заметить, что две теоретические части (I и IV) озаглавлены почти одинаково. Так не следовало ли их объединить? Однако в композиционном решении составителей двухтомника есть своя логика: в каждой из этих частей издания собраны работы, освещающие очень разные аспекты теории языка: это соответственно теория языка как особой знаковой системы (т. 1, часть I) и теория изучения развития языка в связи с изменениями в обществе (т. 2, часть IV).

Необходимо сразу же отметить сложность задачи, стоявшей перед составителями двухтомника в связи с группировкой публикуемых работ, которые у М.В. как у крупного лингвиста-теоретика обычно многоплановы. “Мысль М.В. Панова, – справедливо пишут Е.А. Земская и С.М. Кузьмина, – не укладывается в жесткие рамки любой рубрики” (т. 1, с. 4). Поэтому многие

из публикуемых работ в принципе могли бы претендовать на место одновременно в разных разделах двухтомника.

С учетом сказанного данный двухтомник, содержащий колоссальный объем научной информации, конечно же, в идеале должен был бы в интересах читателя включать справочный аппарат. Это предметный и именной указатели, общий список цитируемой литературы, а также индекс проанализированных словоформ и иных подлежащих индексации языковых единиц⁴. Указатели выполняли бы не только роль путеводителя по работам М.В., они показали бы истинный масштаб личности мастера, уникальный характер его дарования и многогранность его духовного мира, весь спектр его интенсивного и насыщенного интеллектуального бытия. В именном указателе рядом с Ф.Ф. Фортунатовым, И.А. Бодуэном де Куртенэ, Ф. де Соссюром, В.В. Виноградовым и Э. Сепиром оказались бы Льюис Кэрролл и Велимир Хлебников, а также гениальный физиолог академик И.П. Павлов, немецкий математик Август Фердинанд Мёбиус и средневековый фламандский картограф Герард Меркатор, другие персонажи из парадигм, непривычных для лингвистических работ. В предметном указателе рядом с общепризнанными единицами языка, например фонемами, читатель бы обнаружил особые “авторские” единицы, “нофемы”, вводимые М.В. для аргументации мысли о важности последовательного и строгого применения понятия фонетической позиции для фонологических исследований; в этом указателе заняли бы свое место “фонетические фантомы F” и “фонетические фразеологизмы”; там нашли бы отражение не только понятия лингвопоэтики и фонетики, грамматики и социологии, эстетики и лингводидактики, но и пришедшая из далекого школьного детства магическая лента Мёбиуса, которая, как и странные на первый взгляд проекции Меркатора, позволяет по-новому взглянуть на привычный мир, открывая в нем новые, неизведанные горизонты. И всё это самым удивительным образом весьма рационально и целесообразно совмещается и слаженно работает в увлекательных, совсем не наукообразных научных текстах М.В., которым свойственна, по словам А.А. Реформатского, одного из учителей М.В., афористичность изложения и “художественный прием детективного уклона” (т. 1, с. 13).

М.В. Панов вошел в историю филологии прежде всего как лингвист, изучавший только один из язы-

ков мира – русский. Да, М.В. – один из наиболее влиятельных филологов-русистов своего времени. Но он был и остается также ярким, оригинальным теоретиком языка, существенно обогатившим ряд разделов общего языкознания (прежде всего учение о системном устройстве человеческого языка и факторах его развития). Публикуемые в двухтомнике работы демонстрируют, что М.В. Панов уверенно ставил и успешно решал кардинальные проблемы теории фонологии, лексикологии, словообразования, морфологии, а также поэтики и стиховедения; он явился основоположником таких новых научных направлений в русском языкознании, как функциональная социолингвистика и позиционная грамматика. Именно поэтому, как убедительно показывает В.М. Алпатов, теоретические выводы М.В. Панова оказываются актуальными и в наши дни при изучении различных в типологическом отношении языков [3; 4]. Попутно заметим, что М.В. был не только теоретиком языка, но и лингвистом-экспериментатором (вспомним организованное им масштабное экспериментальное исследование развития русского языка, остроумные фонетические и грамматические эксперименты, на материале анализа которых базируются многие его работы).

Вопросы теории языка, которые рассматривает в своих трудах Панов, во второй половине XX века стали предметом живейшего обсуждения⁵. Ключевым являлся вопрос о системной организации языка. В 60-е гг. о языке как системе писалось много, и справедливый тезис о системности языка фактически стал трюизмом, не оказывавшим реального влияния на развитие лингвистических исследований. Неоспоримым вкладом М.В. Панова в теорию системного анализа языка является детальная разработка им новой, позиционной модели языкового механизма. М.В. был убежден, что “весь язык (и его произносительная, и грамматическая системы) построен по общим позиционным моделям... Развитие языка, и движение его произносительной, грамматической стороны протекает в фонетике и грамматике⁶ по близким моделям” [6, с. 270].

⁵ Жаль, что не удалось возможным включить в двухтомник “Введение” к первой и в теоретическом отношении, возможно, самой важной книге М.В. – “Русской фонетике” [5, с. 3–28]. Нигде в более поздних работах автор, постоянно стремящийся идти вперед и поэтому не считающий нужным повторять уже сказанное, не формулирует так строго, лаконично и комплексно свое научное кредо, те исходные положения (о знаке и знаковых системах, о парадигматике и синтагматике, об изоморфизме единиц разных уровней языковой системы и о взаимодействии этих уровней, о языке и речи, о синхронии и диахронии, о законах языка и о языковой норме), которые легли в основу всех его последующих работ.

⁶ А также, добавим, и в лексике (см.: “Позиционные мены значений у слов в зависимости от текста”; т. 1, с. 36–40), и в стилистике (см.: “Позиционные отношения в стилистике”; т. 1, с. 30–35). – Е.К.

⁴ Хотелось бы надеяться, что двухтомник работ М.В., как это часто бывает с лучшими публикациями издательства “Языки славянской культуры”, со временем будет переиздан (возможно, даже в расширенном виде); в таком случае можно было бы дополнить издание необходимым справочным аппаратом. О важности таких указателей, равно как и о сложности работы над ними, хорошо писал сам М.В. (т. 2, с. 753).

Очень важную роль во всех построениях М.В. играет учение о парадигматике и синтагматике как системообразующих отношениях, скрепляющих воедино каркас языкового механизма. В программной статье “О парадигматике и синтагматике” М.В. Панов, принимая тезис Ф. де Соссюра о том, что синтагматика, как и парадигматика, принадлежит языку, а не речи, вносит в это понимание ряд существенных уточнений. В частности, глубинные различия парадигматики и синтагматики сводятся, по мысли М.В., на уровне знаковых единиц языка соответственно к номинации (в которой видится “модель парадигматических отношений на всех ярусах языка” – т. 1, с. 28) и предикации (наиболее отчетливо демонстрирующей, по мысли М.В., универсальную модель синтагматических отношений).

М.В. Панов использует общепризнанное положение об изоморфизме единиц различных уровней языка как руководство к действию (т. 1, с. 30). “Зачем изучать фонетику? – спрашивает М.В. читателя-студента и сам отвечает на поставленный вопрос: – ...Она полезна во многих практических делах, но не менее важно ее теоретическое значение: она учит молодого филолога понимать, что язык – единая, стройная, умная, внутренне согласованная целостность. Закономерности языка лучше понять на фонетике, потому что сама фонетика проще грамматики. ...Фонетика... вот уже более двух веков является опытным полем грамматики. Новые идеи испытывают на фонетическом материале, на звуках языка, а потом переносят на грамматику, лексику и смотрят, как там получится. И нередко бывало, что законы, оправдавшие себя в области фонетики, оказывались общезыковыми... Изменения во взглядах на язык нередко начинаются с фонетики” [7, с. 4]. Панов стал создателем позиционной модели языка только благодаря тому, что он был великолепным профессионалом-фонологом и перенес идею Московской лингвистической школы о парадигматической целостности фонемы независимо от звукового качества ее позиционно чередующихся аллофонов на анализ всех без исключения типов языковых единиц; см. его работу “Трансформы и нейтрализация” и ряд других статей, помещенные в частях I–II, V, VIII рецензируемого издания. Показательна статья “Позиционные отношения в стилистике” (т. 1), где автор говорит о применимости позиционной методики не только к анализу единиц *я з ы к а*, но и к изучению деликатнейших (поэтому нередко игнорируемых лингвистами-теоретиками) особенностей употребления языковых единиц в *р е ч и*.

Принципы идентификации языковых единиц являются ключевым звеном в той системе, которую моделирует в своих работах М.В. Панов. Для носителей флективных языков, казалось бы, “самая ясная и простая” из единиц языка – это слово. “В бытовом, разговорном языке нет ни слова *предложение* (в грамматическом его значении), ни тем более

слова *морфема*. Попросите человека, не знающего школьной премудрости, сказать какое-нибудь предложение – он не поймет вас. На просьбу же сказать какое-нибудь слово отзовется всякий. Такая простая и ясная вещь: слово” (т. 1, с. 51). Однако простота выявления слова, как демонстрирует М.В., оказывается мнимой, и не всегда сегмент, пишущийся слитно, “от пробела до пробела” представляет собой целостное слово. В неоднаударных сегментах типа *радиобиния*, *главрыба* М.В. видит, и не без оснований, сочетание двух “грамматических” слов – неизменяемого прилагательного (*радио-*, *глав-*) и т.п. и существительного (т. 1, с. 83–86). Основанием для принимаемого решения служит тот признак, который в формальном или семантическом плане характеризует любое слово с членимой основой и отличает слово от свободного сочетания слов: свойство фразеологичности, т.е. несводимости семантики и формы слова к свободному сочетанию его частей (т. 1, с. 63 и далее). Заметим, что положение о фразеологичности семантики слова стало одним из краеугольных камней современной теории слова. Очевидно, что композиты типа *радиобиния* нефразеологичны, поэтому их, на первый взгляд, парадоксальная, билексемная трактовка оказывается вполне логичной; она принимается на вооружение и многими фонологами.

Как справедливо утверждают редакторы-составители двухтомника, М.В. Панова “можно назвать рыцарем московской (фортунаатовской) лингвистической школы. Идеи этой школы он талантливо развивает, уверенно и бережно строя здание, каркас которого возведен его предшественниками” (т. 1, с. 8). М.В. последовательно отстаивал значимость теоретических достижений данной школы, важнейшими из которых являются учение о форме слова и идея принципиального разграничения позиционных (“синтаксических”) и непозиционных изменений, присущих единицам разных уровней языка. В то же время М.В. в духе времени охотно использует также терминологию Ф. де Соссюра и пражского лингвистического кружка; значительно реже, но все-таки обращается к понятийному аппарату дескриптивистов и Л. Ельмслева. М.В. берет от структурализма многое (особенно из того, что перекликается с идеями Ф.Ф. Фортунатова), но он идет дальше. Синтезируя идеи Фортунатова, Соссюра и Пражской школы структурализма, Панов, что очень важно, анализирует не только языковые *с т р у к т у р ы*, т.е. “системы чистых отношений в языке”, но и то, как “живут особой жизнью” *э л е м е н т ы* языковой системы, нередко игнорируемые структурализмом, но вполне определенно реализующие в речи свой знаковый потенциал (т. 1, с. 50). Совсем не случайно М.В. Панов обычно указывается в числе первых среди отечественных лингвистов, кто во второй половине XX века на практике расширял традиционные горизонты структурализма и не на словах, а на

деле выходил на уровень собственно системного подхода к языку [8, с. 453]. Предтечей системного подхода в лингвистике, во многом предвосхитившего положения общей теории систем (Л. Берталани), принято считать И.А. Бодуэна де Куртенэ – одного из кумиров Панова⁷.

Весь комплекс работ М.В. Панова, посвященных изучению динамики развития современного русского языка, знаменует выход за рамки структурализма. Язык рассматривается М.В. как динамическая, развивающаяся по своим внутренним законам и под влиянием жизни общества система элементов (единиц и их комбинаций), объединенных в целое структурными отношениями. Отсюда стремление М.В. к изучению языка не в плане описания современного “синхронного среза”, жестко отграниченного от предыдущей истории языка. Выявление основных антиномий, управляющих развитием языковой системы, разработка способов объективной фиксации направления развития языковой системы методами функциональной социолингвистики, опиравшейся на описание данных массовых опросов информантов, стратифицированных по полу, возрасту, профессии и т.п., учет (не смешение!) данных диахронии в рамках синхронического описания, создание увлекательного очерка “микроистории” развития всех подсистем русского языка первой половины XX века (см. т. 2, с. 17–22, 197–206) – все это, очевидно, было бы невозможно сделать в рамках “чистого” структурализма.

Жаль, что редакторами-составителями двухтомника были вычленены не все написанные лично Пановым разделы коллективной монографии “Русский язык и советское общество”, публикация которой в 1968 г. имела колоссальный научный резонанс; не воспроизведены, в частности, имеющие большое значение для всей работы вводные разделы лексического и грамматического томов. Но и то, что опубликовано в двухтомнике из указанной коллективной монографии, в сопоставлении с соответствующими разделами Проспекта данной монографии (т. 1, с. 85–193) позволяет в полной мере оценить стратегический характер научного мышления М.В., реальную роль ученого не только в организационном руководстве проектом, но и в формировании его научной основы, и в создании самого текста монографии, которая могла бы стать очередным псевдонаучным “юбилейным” трудом (к 50-летию Октябрьской революции), а явилась одним из наиболее заметных, широко цитируемых исследований, идеи которого продолжают активно разрабатываться.

⁷ Об особом отношении М.П. к Бодуэну де Куртенэ свидетельствует написанная им “Ода Бодуэну” [2, с. 481–485], в которой семь раз рефреном повторяется признание: “Люблю Бодуэна!”... М.В. и в своих исследованиях, и в опубликованных воспоминаниях и стихах [1; 2] восхищался многими лингвистами, но никому больше, насколько мне известно, не признавался в любви стихами.

Будучи крупным, оригинальным лингвистом-теоретиком, М.В. выделялся даже на фоне своего мощного и невероятно талантливого научного окружения целым рядом особенностей, в совокупности характеризовавших, как кажется, только его одного.

Прежде всего, наряду с языкознанием М.В. Панов, с юных лет полюбивший поэзию В. Хлебникова и других поэтов русского авангарда, успешно разрабатывал начиная с 60-х гг. такие увлекательные, но в то же время довольно рискованные для лингвиста сферы, как поэтика и стиховедение. Иногда данной проблематике посвящались специальные статьи (см.: “Ритм и метр в русской поэзии”, “Даниил Хармс” и другие материалы части VII в т. 2), иногда проблемы лингвопоэтики решались на материале фонетики (“О восприятии звуков”, на материале поэзии Хлебникова, Крученых и других поэтов XX в.; т. 1) или словообразования (“О членимости слов на морфемы”, на материале поэзии Хлебникова; “О переводах на русский язык баллады “Джабберворки” Л. Керролла” и др., т. 2). Во вводной статье В. Новикова к т. 2. чрезвычайно высоко оценивается это, не собственно лингвистическое направление научного творчества М.В. и высказываются предположения о том, как выиграла бы наша наука, если бы ученый в свое время не подвергся бы официальному ostracismu, а, напротив, возглавил бы Отделение литературы и языка Академии наук (т. 2, с. 14).

Кроме того, М.В. был не только ученым-теоретиком и экспериментатором, он был также историком нашей науки. Объектом его особого интереса в этой области была, естественно, Московская лингвистическая школа как сама по себе, так и в ее соотношении с параллельно существующими школами, прежде всего Ленинградской фонологической школой и Пражским лингвистическим кружком. Поразительно его пристальное внимание не только к основателю фортуноватовской школы и ее ключевым фигурам (таким, как Д.Н. Ушаков, Н.Н. Дурново, А.А. Реформатский, Р.И. Аванесов и другие видные ученые прошлого, которым посвящены специальные очерки в части VIII т. 2), но и к нашим современникам, без которых школа выглядела бы сегодня иначе. Приведу лишь один пример. Самая последняя из опубликованных статей М.В. была посвящена неопенимому вкладу Е.А. Брызгуновой в решение проблемы фонологической интерпретации типов интонационных конструкций (см. т. 2, с. 813–822).

Еще одно важное отличие М.В. Панова от большинства лингвистов-теоретиков: он был до конца своих дней увлечен не только изучением, но и преподаванием языка. М.В. написал много специальных работ лингводидактической направленности: учебников, в том числе и школьных, а также методических книг и статей (см. материалы части VI в т. 2). В работах этого плана М.В. не-

редко поднимает очень серьезные теоретические проблемы, справедливо полагая, что методика преподавания языка и лингвистика должны идти рука об руку, ибо нельзя выстраивать новые методические правила преподавания того, что явно устарело с научной точки зрения. Так, в одной из работ, полемически озаглавленной “Два анализа? Об изучении состава слова в школе”, он ставит вопрос о принципиальной нецелесообразности противопоставления морфемного и словообразовательного анализа в том случае, если морфемный анализ по старинке сводится к вычленению в слове морфемоподобных сегментов без учета формально-смысловых связей словоформ. Кроме того, его самые серьезные по содержанию работы были написаны так, чтобы их смог понять и школьный учитель, и студент-филолог, и вдумчивый школьник-старшеклассник. Можно с уверенностью утверждать, что после А.М. Пешковского у нас не было другого такого лингвиста, который бы был столь же авторитетен в науке, как Панов, и в то же время так много времени с самых первых своих опытов школьного, а затем вузовского преподавания русского языка (в бесконечно любимом им Московском городском педагогическом институте имени Потемкина) и до последних дней жизни так много внимания уделял вопросам обучения русскому языку. Характерно, что одной из последних, уже посмертно, в 2003 г., изданных работ М.В. было 7-е издание созданного при его участии новаторского школьного учебника по русскому языку для 10–11 классов (т. 2, с. 835).

Наконец, связывая результаты своей научной деятельности с перспективами их использования в практике преподавания русского языка, М.В. Панов не мог быть лишь объективным наблюдателем происходящих в нашем языке процессов. Популярный в настоящее время (и, очевидно, вполне закономерный во многих отношениях) лозунг “мы не нормализаторы” был явно не для М.В. Он был, напротив, одним из крупнейших “нормализаторов” (кодификаторов) русской речи нового времени, всем своим научным и личностным авторитетом он стремился утвердить научные принципы правописания, орфоэпии, слово- и формоупотребления. В целом ряде его работ язык предстает как система, которая в определенных своих звеньях требует сознательного регулирования. Показательна воспроизведенная в т. 1 рецензируемого издания небольшая подборка статей по орфографии: “Об усовершенствовании русской орфографии”, “О слитных и раздельных написаниях”, “О дефисных написаниях”, “О правописании глагольных окончаний”. Особое значение в свете сказанного выше имеет и стилистический цикл статей М.В.: “О стилях произношения (в связи с общими проблемами стилистики)” (1963), “О литературном языке” (1972), а также статьи М.В. по русской орфоэпии: “О русской орфоэпии”, “О влиянии грамматической аналогии на

произносительные нормы в современном русском литературном языке”.

Наиболее широко и полно представлена в двухтомнике фонетика, с которой М.В. начинал свою научную деятельность и изучению которой он, как уже было сказано, придавал огромное значение в плане выявления закономерностей, универсальных для всех уровней языка. Почти половину т. 1. составляют статьи, посвященные изучению звукового строя языка. Это прежде всего исследования по русской теоретической фонетике и фонологии: “О причинах фонетических изменений”, “О разграничительных сигналах в языке”, “О слогоделении в русском языке”, “О разграничении сегментных и суперсегментных единиц”.

Подчеркнем, что фонетические исследования М.В. Панова редко бывают посвящены описанию только явлений звукового строя. Так, в конце статьи “О двух типах фонетических систем” высказывается предположение о том, что выявленные автором закономерности верны “не только для фонетики, но и для грамматики” (т. 1, с. 329). В еще большей степени взаимосвязь фонетики и грамматики демонстрируется в статьях “О значении морфологического критерия для фонологии” и “О грамматических факторах развития фонетической системы современного русского языка” (последняя написана в соавторстве с М.Я. Гловинской, Н.Е. Ильиной и С.М. Кузьминой). Читатель найдет в двухтомнике также ряд интересных работ, в которых отражены результаты применения социолингвистических методов анализа звуковой стороны языка, в частности воспроизведены написанные М.В. разделы трех первых глав фонетического тома уже упоминавшейся коллективной монографии “Русский язык и советское общество”, а также статьи, посвященные организации работы авторского коллектива над фонетическим разделом указанного проекта: “О том, как составлялся вопросник по произношению”, “О том, как кодировался фонетический вопросник”. В издании воспроизводятся и исследования М.В. по сопоставительной фонетике, по восприятию звуков в поэтической речи, а также, как уже отмечалось, по орфоэпии.

Не все аспекты фонологической теории М.В. нашли отражение в рецензируемом издании. Так, фактически за кадром осталась столь дорогая сердцу М.В. идея двух принципиально различных типов фонологических единиц – результатов парадигматического и синтагматического обобщения звуков. О парадигмо-фонемах и синтагмо-фонемах он обстоятельно писал в “Русской фонетике” [5] – книге, представленной в рецензируемом двухтомнике лишь очерком истории изучения фонетики (т. 2, с. 647–706). Обращением именно к этим двум возможным типам фонем начинается взволнованное стихотворение М.В., посвященное выходу в свет “Русской фонетики”: «О синтагмо-

фонемы! / И парадигмо! / Диэремы волшебные... / В просторечии ж Grenzsignale. / Все собрались вы / Под этой зеленой обложкой, / На которой начертано: / “Счастье”» [т. 2 с. 486].

Большое количество опубликованных М.В. Пановым работ, в которых рассматривается фонетическая проблематика, комплексное описание им всех сторон фонетического строя русского языка, создание обобщающей монографии “Русская фонетика”, написание вузовского учебника русской фонетики [7] и фонетического раздела в широко используемом высшей школой университетском учебнике “Современный русский язык” под редакцией В.А. Белошапковой (1981, переизд. 1989 и 1997) – все это объясняет, почему для большинства филологов-русистов Панов был и остается по преимуществу фонетистом. Между тем, материалы рецензируемого двухтомника наглядно демонстрируют, что начиная с середины 50-х гг. М.В. одновременно с фонетикой весьма активно разрабатывал проблемы природы и функционирования значимых единиц языка. При этом Панов оставался в полной мере представителем фортунатовской школы, его грамматические предпочтения были отданы преимущественно морфологии, а не синтаксису.

Сказанное не означает, что синтаксическая система не интересовала Панова. В большой статье “Русский язык” (т. 1, с. 165–252), написанной для коллективного труда “Языки народов СССР” (1966), в Проспекте коллективной монографии “Русский язык и советское общество” (т. 2, с. 144–158), в других работах Панова мы найдем опыты оригинального описания синтаксической системы русского языка, с отличным от традиционного пониманием, например, границ словосочетания, с уточнением природы подлежащего. Последнее, по Панову, может быть не только материально выраженным, но и – в ряде типов односоставных предложений – нулевым: *Светает, Цыплят по осени считают* и пр. Причем, пишет М.В., “налицо явная омонимия нескольких нулевых подлежащих” (т. 1, с. 161, ср. 231–232). Проблема “синтаксических нулей” актуализировалась в 70-е гг. в связи с разработкой теории диатез, и И.А. Мельчук, давший развернутое обоснование разграничения омонимичных нулевых субстантивных словоформ в функции подлежащего, обладающих разными значениями (“люди”; “стихии”), специально подчеркивал роль М.В. Панова в постановке и решении этой проблемы [9, с. 352]. Тем не менее основные достижения М.В. в сфере изучения единиц знаковых уровней языка связаны с анализом не предложения, а формально-смыслового устройства слова.

Содержание двухтомника служит неопровержимым доказательством того, что в 50–70-е гг. М.В. практически в равной степени активно разрабатывал вопросы как фонетики, так и строения, образования и грамматических (прежде всего словоизме-

нительных) признаков слова. И классическая, широко цитируемая статья Панова “О слове как единице языка” (т. 1, с. 51–87), в которой М.В. новаторски решает целый ряд вопросов формально-семантического устройства русского слова, вышла в свет в 1956 г., т.е. всего лишь через четыре года после появления его первых публикаций по фонетике. А к концу жизни выдающийся фонолог начал уделять вопросам морфологии даже больше внимания, чем изучению фонетического строя. Весьма характерно, что последней из его прижизненно изданных монографических работ стала книга “Позиционная морфология русского языка” [6], именно она фактически подводит итог его научному творчеству.

В упомянутой только что статье “О слове как единице языка” М.В. Панов впервые охарактеризовал класс языковых единиц, которые впоследствии были названы им “аналитическими” (т.е. несклоняемыми, как в языках аналитического строя) прилагательными. Глубокое и всестороннее развитие идеи “аналитических прилагательных” как особой части речи (основу которой составляют неизменяемые признаковые слова типа *хаки, беж, авиа, суахили*) последовало в других работах Панова: в Проспекте коллективной монографии “Русский язык и советское общество” и в самой монографии, в статьях “О частях речи в русском языке”, “Об аналитических прилагательных” (см. т. 1, с. 137–150, 157–162; т. 2, с. 124–129), а также в его книге [6].

Решение о выделении аналитических прилагательных как особой части речи имеет принципиальное значение для морфологии, и у этого решения есть как убежденные сторонники, так и ярые противники. Между тем, если понимать части речи как действительно морфологические (а не лексические или какие-то иные) классы слов, то два слова, например *беж* и *бежевый*, обладающие принципиально различными морфологическими свойствами (а наличие или отсутствие словоизменительной парадигмы – это принципиально для морфологии), должны быть отнесены к разным частям речи даже в том случае, если у них общая функция названия: обозначение признака предмета. Появление аналитических прилагательных как новой части речи служило основанием для вывода о развитии и углублении в современном русском языке тенденции к аналитизму, связанной с выражением грамматических значений слова не с помощью его флексии, а средствами контекста. Об этой же тенденции в сфере морфологии свидетельствовало, как показал М.В., также появление новых слов общего рода типа *врач*, увеличение количества двувидовых глаголов типа *атаковать* и целый ряд других явлений, активизировавшихся в XX веке.

Аналитические прилагательные – результат оригинального подхода М.В. к проблеме классификации частей речи, причем результат далеко не единственный. Части речи принято считать основ-

ными грамматическими классами слов, и обычно разделительная линия между ними проходит по границе между разными словами (но не внутри словоизменительной парадигмы). Не так у М.В. Для него объединение словоформ в словоизменительную парадигму и объединение слов в части речи осуществляется на разных основаниях. “Поэтому возможно несовпадение этих двух категорий: слово способно включать в себя разные части речи” (т. 2, с. 282). Так, причастия и деепричастия в системе Панова – это такие компоненты парадигмы глагольного слова, которые он считает возможным трактовать как особые части речи – соответственно отглагольные прилагательные и отглагольные наречия. Еще пример: традиционные наречия на *-о* типа *смешно* Панов интерпретирует следующим образом: “В предложении *Он рассказывал смешно* слово *смешно* – наречие, но в то же время форма прилагательного *смешной, смешная, смешное*” (т. 2, с. 283). Автор допускает также выделение в особую часть речи такой глагольной словоформы, как инфинитив (т. 2, с. 263). Нестандартность предлагаемых решений очевидна и самому М.В., который пишет: “Получается так: в составе форм одной части речи ... другая часть речи. Хорошо ли это? Если на единицы языка смотреть как на нечто вещественное, как на какие-то куски, разбросанные в пространстве языка, то, наверно, это плохо. Как будто одно место занимают разные вещи. Но если язык рассматривать как совокупность отношений, то, может быть, такая точка зрения имеет право на существование” (т. 2, с. 285). Как видим, автор толерантен, он не настаивает категорически на обнаруживаемом им явлении нейтрализации частей речи⁸, он лишь приглашает читателя еще раз задуматься о привычном. Это очень характерный для М.В. прием работы с читателем.

Теория русской морфологии рассматривается М.В. также в статьях “О грамматической форме”⁹,

⁸ Понятие нейтрализации очень важно для позиционной модели языка; учитывая различные понимания этого явления, автор настаивал на “московском ключе” как условии успешного анализа нейтрализации единиц на разных уровнях языковой системы (т. 1, с. 45).

⁹ С этой статьей в ходе подготовки двухтомника приключилась мистическая, на мой взгляд, история. В 2004 г. (т. 1) в аннотации всего двухтомного издания статья анонсировалась как публикуемая в т. 2. Однако в 2007 г. в почти дословно совпадающем тексте аннотации к т. 2 статья “О грамматической форме” не упоминается. В итоге очень известная работа М.В., на которую ссылались А.А. Реформатский, Е.А. Земская, С.М. Толстая и многие другие ученые, выпала не только из аннотации, но из рецензируемого издания в целом. Попутно стоит заметить, что, к сожалению, не получила отражения ни в самом двухтомнике, ни даже в общем перечне трудов М.В. (т. 2, с. 823–836) очень важная для его морфологической концепции работа “О позиционном чередовании грамматических значений”, опубликованная издательством “Наука” (Л., 1990) в качестве главы коллективной монографии “Типология и грамматика”.

“Отношение частей речи к слову”, “О скрытых грамматических значениях” и в других его работах, публикуемых в части I (т. 1) и в IV–V частях 2-го тома издания. Многие из грамматических открытий М.В. Панова, как кажется, до сих пор в полной мере не оценены русистикой. Такова, например, аргументируемая в статье “Русский язык” мысль о наличии как минимум двух не учитываемых морфологами глагольных категорий с коммуникативной семантикой; эти категории формируются на основе противопоставления причастий и деепричастий спрягаемым формам глагола (т. 1, с. 186). Еще пример: семантическая классификация местоимений в стандартных описаниях русского языка обычно не всегда логична, включает классы, семантическую специфику которых трудно идентифицировать (ср. традиционные “определительные” местоимения). У М.В. классификация местоимений иерархична и на каждом уровне дихотомична. Так, личные местоимения противопоставлены неличным, в числе личных разграничены возвратные и невозвратные и т.п.; в дихотомии “обобщительных” (*любой, весь* и т.п.) и всех прочих (“необобщительных”) местоимений (т. 1, с. 191–192) предвосхищаются выводы более поздних исследований о местоименной маркировке типов референции имен.

Во многих статьях, посвященных морфологической проблематике, обосновывается магистральная идея позиционной обусловленности грамматических значений. “Грамматические значения, – пишет М.В. в 1962 г., – позиционно чередуются”; это положение иллюстрируется примерами взаимодействия значений глагольного вида и числа имен существительных: *съел ягоду* “единичность” – *ел ягоду* “собираемость” (т. 2, с. 136). Разные значения одной и той же морфологической формы, как бы они ни различались между собой, образуют определенную целостность, поскольку они закономерно и предсказуемо чередуются в зависимости от грамматической позиции и образуют, по мысли М.В., своеобразную семантическую парадигму, устроенную в принципе так же, как и парадигма позиционно чередующихся аллофонов одной и той же фонемы (т. 1, с. 17–29 и др.). Например, разнородные семантико-синтаксические функции словоформ с одной и той же падежной флексией (*протаранить ворота крепости бревном, ранним летом здесь хорошо, возвращаться лесом, глядит орлом* и т.п. – т. 2, с. 245–246) образуют целостную в функциональном плане парадигму позиционно обусловленных значений по тем же универсальным языковым законам, что объединяют разнородные с точки зрения артикуляционной и акустической звуки [о] (*ход, лёд*), [а] (*ходить*), [ъ] (*ходовой*), [и] (*ледок*) в целостную парадигму позиционно чередующихся вариантов и вариаций одной и той же фонемы.

М.В. являлся также одним из видных теоретиков морфемики, которой посвящены многие страницы двухтомника. В статье “Русский язык” (т. 1, с. 183–185) М.В. отграничивает морфемы от интерфиксов (единиц морфемной сегментации словоформы, не обладающих статусом морфемы в силу своей незначимости: *игра-**j**-ут*, *орл-**ов**-ец*, *рук-**о**-плескать* и т.п.) и впервые предпринимает опыт собственно научного исчисления типов морфемного строения русских слов с опорой на три возможных функциональных типа морфем: корень (R), флексия (f) и дериватор (d). В статьях “О членимости слов на морфемы” и “О степенях членимости слов” (т. 2) автор излагает свою теорию степеней членимости основ. Статья “Предсказуемость алломорфа” содержит рассуждения о необходимости выявления позиционных отношений в морфемике, без чего невозможно “построить строгую позиционную морфологию русского языка” (т. 2, с. 249).

Многие работы, публикуемые в двухтомнике, посвящены обсуждению словообразовательной проблематики. Особо хотелось бы выделить уникальную по интеллектуальному накалу, прекрасно отражающую научный и личностный темперамент М.В. статью “Об изучении русского словообразования” (т. 2). Панов резко, страстно, порой язвительно протестует против смещения этимологических и синхронических деривационных отношений при изучении современной словообразовательной системы. Статья не укладывалась ни в одну из рубрик “Известий АН СССР. Серия литературы и языка”, и редколлегия академического журнала, чтобы опубликовать статью опального в то время (1970 г.) ученого, пошла, как кажется, на беспрецедентный шаг: специально для нее была введена рубрика “Трибуна”. Не припомню, чтобы эта рубрика еще хоть раз использовалась до или после публикации едкой по форме и в то же время очень строгой по своему содержанию статьи Панова, где он открыто издевался над “ненужным мудрствованием (в котором нет мудрости)”.

Публикуемые в двухтомнике работы М.В. Панова о формально-семантическом устройстве и функционировании русского слова существенно повлияли на становление современного облика русской морфологической и словообразовательной науки.

Работы Панова, даже небольшие по объему и посвященные частным, на первый взгляд, вопросам, всегда основательны, фундаментальны. Немаловажным представляется следующее обстоятельство. В огромном по объему списке трудов М.В. Панова нет ни одной, в названии которой значилось бы привычное “К вопросу о...”. Дискурсивный оператор *к вопросу о* порой является знаком присваиваемой тем или иным автором индальгенции на сни-

жение уровня рассмотрения проблемы, которая может обсуждаться частично и, что еще хуже – повторно, без существенного продвижения вперед (подобные работы М.В. Панов называл “научными полуфабрикатами”). У М.В. любая заявленная тема всегда детально проработана с точки зрения решения поставленных автором задач с максимальным учетом возможностей лингвистической науки на момент написания работы, выводы работы никогда не тривиальны (полностью исключены случаи, когда автором “лишний раз” излагается и подтверждается нечто общеизвестное). Именно поэтому многие его работы (в том числе и из числа самых ранних) стали хрестоматийными. По этой же причине монография М.В. “Русская фонетика” [5] была признана русской “фонетической энциклопедией”, а социолого-лингвистические воззрения М.В., мастерски реализованные в коллективной четырехтомной монографии “Русский язык и советское общество: Социолого-лингвистическое исследование”, успешно развиваются в настоящее время Е.А. Земской, Л.П. Крысиным и другими представителями основанной Пановым Московской школы функциональной социолонгвистики.

“Не люди умирают, а миры”, – с горечью писал поэт-шестидесятник. Он был, однако, не вполне прав – человек умирает, а его мир (особенно это касается людей творческих) продолжает свое существование. Попробуем в заключение осмыслить феномен мира Панова “после” Панова. У каждого, кто знал Михаила Викторовича, в памяти остался свой Панов; свой мир Панова откроется и каждому из тех, кто никогда не слышал его лекций, но прочтает рецензируемый двухтомник и посвященные М.В. сборники научных статей и воспоминаний о нем [1, 2]. Это огромный, интересный, многообразный мир. Мир, который живет. Он реализуется, конечно, прежде всего в постоянной востребованности обширного филологического наследия М.В., в широком цитировании его работ.

Мир Панова невозможен без тех, кто был с Пановым рядом при его жизни и кто сейчас развивает заложенные или поддержанные им научные школы, в ком живут воспоминания о крупном ученом, бесстрашном человеке, всегда готовом жизнь положить за други своя, крупном организаторе науки и обаятельном собеседнике.

Известно, что у М.В. многое осталось неопубликованным по не зависящим от него обстоятельствам. Это университетские лекционные курсы позиционной грамматики, истории русской поэзии и пр. Теперь, когда в Институте русского языка РАН начата работа над архивом М.В., можно было бы предпринять попытку свести воедино авторские конспекты лекций М.В. и записи его лекций слушателями, воссоздать атмосферу этих лекционных

курсов и сами звучавшие тогда тексты. Опыт слушателей лекций Соссюра показывает, что результаты таких реконструкций могут оказаться весьма впечатляющими.

И последнее. Важная составляющая мира Панова – его поэтическое творчество. О художественной стороне стихов М.В. уже писал Вл. Новиков. Но не менее важны эти стихи как реализация яркого филологического дарования автора. Эксперименты со словом, демонстрация функциональных возможностей слов, о которых обычно не пишут, которые обычно не замечают – а у Панова эти “отвергаемые миром камни” оказываются нередко во главе угла возводимого им здания.

Вот, например, все те же “аналитические прилагательные” Панова. К “аналитам” у М.В. особое, любовное отношение, он их видит там, где другие их не замечают, да он и сам охотно их создает, особенно в поэтических произведениях (вспомним уже цитированное выше стихотворение о *синтагмо-фонемах* и о *парадигмо*, начинающееся с двух анализов, второй из которых употреблен без существительного).

Итак, стихи для М.В. – эффективная и часто очень эффектная форма лингвистического экспериментирования. Но есть еще одна функция стихов М.В.: они нередко являются образным средством передачи научной информации. Так, самый смысл научного творчества обсуждается в приведенном – в качестве эпиграфа к изданию – стихотворении “Сера наука, / но зелено / вечное дерево жизни...” (т. 1, с. 7; ср. [11, с. 91]); символический строй этого стихотворения многое объясняет в жизни и самого М.В. Панова как ученого и человека, и всей его уникальной “пановомосковской” научной школы. В раздел VIII двухтомника (“История отечественного языкознания”) буквально просится стихотворение “Бодуэн де Куртенэ” (варианты названия: “Ода Бодуэну”, “Люблю Бодуэна” [12, с. 38–44]; ср. [2, с. 481–485]); автор ярко и образно, но в то же время строго научно, буквально “по пунктам” объясняет читателю, за какие именно научные открытия любой разумный лингвист просто обязан полюбить Бодуэна). В разделе VII двухтомника (“Поэтика”) мог бы по праву занять свое место цикл импрессионистических портретов выдающихся русских поэтов (“Звездное небо” [12, с. 155–190]). Это яркие “образные впечатления”, возникшие у автора при чтении Ломоносова, Гнедича, Пастернака, Маяковского, горячо любимого им Хлебникова и других.

Многие филологи, разумеется, писали и до сих пор пишут стихи, но у Панова этот род занятий отнюдь не периферийная часть его филологического мира, а одна из его основ. Принято говорить о “неакадемичности” языка научных сочинений М.В. Все

правильно! Состоявшийся поэт не может писать свою научную прозу на канцелярите. Стихи М.В. очень важны для понимания его самобытного филологического мироощущения, и уже только ради их научной публикации нужно было бы подумать о том, чтобы двухтомник М.В. получил в обозримом будущем закономерное продолжение. При переиздании собрания избранных трудов М.В. все стихи, опубликованные ранее или сохранившиеся в архиве ученого, было бы целесообразно включить в особое приложение к двухтомнику.

А может быть, имеет смысл издать и особый, третий том? Как уже говорилось, туда есть что включить и помимо стихов: ключевые разделы монографий “Русская фонетика” (1967), “История русского литературного произношения XVIII–XX вв.” (1990), “Позиционная морфология русского языка” (1999), переписку, а также имеющие обычно не только лингводидактическое или популяризаторское, но и научное значение главы из его учебников и учебных пособий, статьи из очень дорогого сердцу М.В. “Энциклопедического словаря юного филолога”, составителем которого и трепетным собирателем авторов для которого был М.В. (только очень хорошие ученые и безусловно порядочные люди удостоивались чести писать в этом издании о языке для детей).

Вновь и вновь оказывается прав поэт: большое действительно видится на расстоянии. Могут возразить, что М.В. уже при жизни – в личном общении и в университетской аудитории, как автор научных бестселлеров и организатор уникальных научных проектов – воспринимался всеми как незаурядный ученый; его особая роль в нашей науке и в жизни научного сообщества была очевидна для всех, кому довелось с ним общаться, слушать его, кто читал его работы. Тем не менее, именно благодаря изданию двухтомника избранных работ М.В. Панова, как хорошо известных, так и ставших со временем труднодоступными, наконец-то созданы условия для того, чтобы мы все осознали истинный, уникальный масштаб личности великого русского ученого. Поблагодарим за эту возможность весь мир **П а н о в а**, и в первую очередь составителей и научных редакторов издания – Елену Андреевну Земскую и Светлану Максимовну Кузьмину.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Жизнь языка: Сборник статей к 80-летию М.В. Панова / Сост. Л.А. Капанадзе, отв. ред. С.М. Кузьмина. М.: Языки славянской культуры, 2001.
2. Жизнь языка: Памяти Михаила Викторовича Панова / Отв. ред. М.Л. Каленчук, Е.А. Земская. М.: Языки славянских культур, 2007.

3. *Алпатов В.М.* Михаил Викторович Панов глазами востоковеда // Жизнь языка: Памяти Михаила Викторовича Панова. М., 2007.
4. *Алпатов В.М.* Рец.: Панов М.В. Труды по общему языкознанию и русскому языку. М.: Языки славянской культуры. Т. 1. 2004. 568 с.; Т. 2. 2007. 848 с. // Вопросы языкознания. 2008. № 3.
5. *Панов М.В.* Русская фонетика. М.: Просвещение, 1967.
6. *Панов М.В.* Позиционная морфология русского языка. М.: Наука – Школа “Языки славянской культуры”, 1999.
7. *Панов М.В.* Современный русский язык. Фонетика. М.: Высшая школа, 1979.
8. *Крылов С.А.* Система языковая // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990.
9. *Мельчук И.А.* О синтаксическом нуле // Типология пассивных конструкций: Диатезы и залоги. Л., 1974.
10. *Панов М.В.* О позиционном чередовании грамматических значений // Типология и грамматика. Л.: Наука, 1990.
11. *Михаил Панов.* Тишина. Снег: Стихи разных лет. М.: Carte Blanche, 1998.
12. *Михаил Панов.* Олени навстречу: Вторая книга стихов. М.: Carte Blanche, 2001.

Е.В.Клобуков